

Мои встречи с А. М. Горьким

☆☆

В. И. КАЧАЛОВ

Народный артист СССР, орденоседец

☆☆

Первая моя встреча с Алексеем Максимовичем произошла в 1900 году. Наш театр, в который я тогда только вступил, ездил на гастроли в Крым с пьесами Чехова «Дядя Ваня» и «Чайка». С уст товарищей не сходило имя нового друга нашего театра — Горького. Особенно увлекалась им тогдашняя наша молодежь — Книппер, Москвин, Мейерхольд. Они говорили о личном обаянии Горького, вспоминали его рассказы, восторгались его остроумием. Алексей Максимович обещал осенью приехать в Москву и ближе познакомиться с театром. Осенью 1900 года я шел на репетицию в помещение «Романовки» (так называлось помещение, где ныне находится Госет). На Бронной улице меня нагнали двое: один небольшого роста в матросской куртке. Это был Суллержикский — друг А. П. Чехова, А. М. Горького и Л. Н. Толстого, очень одаренный человек, впоследствии режиссер нашего театра, и рядом с ним — стройный, худощавый человек в высоких сапогах, с длинными космами волос. Суллержикский обратился ко мне:

— Я — Суллержикский, мое имя вам ничего не говорит, а этот повыше — Горький.

Я помог им попасть в помещение театра, и с того времени они дневали и ночевали в нашем театре.

За лето Алексей Максимович почти закончил обещанную театру пьесу «Мещане». Впервые пьеса была поставлена весной 1902 года в Петербурге. Горький прочел нам пьесу, мы ее с радостью приняли и немедленно приступили к работе. В 1902 году были уже большие репрессии по отношению к Горькому со стороны полиции. Пьесу разрешили с большим трудом, потребовали, чтобы генеральная репетиция была без публики, чтобы спускали исключительно по пропускам, которые выдавал департамент полиции.

На первом спектакле «Мещан», прошедшем с большим успехом, произошел курьез. Правительство боялось всяких демонстраций со стороны передовой интеллигенции, студенчества. Поэтому, кроме явных нарядов полиции возле театра и в самом помещении, все капельдинеры были заменены городскими, одетыми во фраки, в белых перчатках.

Вспоминаю, как Алексей Максимович впервые появился в театре со своей новой пьесой «На дне».

«Трудно писать, говорил он, действующие лица рвутся на сцену, я знаю, как их впустить, но как их выпустить? Всем хочется говорить, действовать!»

Горький читал совершенно замечательно, несмотря на его глуховатый басок и на то, что действующие лица во время его чтения говорили одним тоном и голосом и жестикомировали горьковским угрожающим кулаком. Актерского искусства в чтении Горького, конечно, не было никакого. Но тем не менее внутренние характеристики были так значительны, что все действующие лица стали живыми, и мы сразу полюбили Горьковские образы. Читал Горький искренно, задумчиво. Помню, что в том месте пьесы, где умирает Анна и Лука ее напутствует и утешает, Алексей Максимович остановился, смахнул слезу и просто сказал:

— У, черт, здорово написано, не ожидал!

В ответ раздался взрыв аплодисментов. Алексей Максимович очень сочно подал юмор, сам отнюдь не смеясь. А когда общий смех слушателей становился очень

заразительным, он бывало, с какой-то детской непосредственностью спрашивает: — А правда смешно?

Пензура долго не разрешала пьесу, делала различные вымарки и сокращения. Приходилось выторговывать каждое слово. Два раза ездил В. И. Немирович-Данченко в Петербург за разрешением на постановку. Наконец, он приехал с вестью, что пьеса разрешена, цензоры сказали, что все равно это произведение плохое и успеха иметь не будет.

Мы знали, что это не так. Однако, огромный успех премьеры (она состоялась в январе 1903 г.) превзошел все наши ожидания. Во время финала третьего действия — большой народной сцены, где происходит убийство содержателя ночлежки Костылева и где обваренная кипятком Наташа неистово вопит, — в публике была истерика, раздавались возгласы с просьбой закрыть занавес. Успех пьесы был грандиозный. Алексей Максимович выходил на вызовы публики растерянный, с папироской в зубах, в своей обычной черной блузе, то застенчиво улыбаясь, то глядя вызывающе на публику.

Помощь Горького актерам во время репетиции была исключительно велика. Он не только давал дельные указания и советы, но и часто сам читал отдельные места. Принимая режиссерские планы, он вносил очень ценные замечания исполнителям ролей. Мне лично он помогал исполнять роль барона. Эту роль он писал с подлинного нижегородского барона, бывшего барона Бухгольца. Вскоре даже прислал мне фотографию «героя», но она мне не могла помочь, так как Бухгольц, очевидно, узнав для чего его снимали, гладко побрился, одел чистую рубашку. В общем получился приглашенный, застенчивый молодой человек, потоптосовски державший руки за поясом. Такой барон был совершенно не характерен и мне пришлось фантазировать, создавая его внешний образ.

☆☆

В 1904 году Горький попал в Петропавловскую крепость и там закончил свою следующую пьесу «Дети солнца». Еще задолго до написания он рассказывал о работе над ней. Мы ее поставили в 1905 году. Тогда готовилось вооруженное декабрьское восстание (Пресня), произошло убийство Баумана, были частые стычки между черносотенцами и рабочими, участились рабочие демонстрации и забастовки. Время было очень напряженное.

Первый спектакль «Дети солнца» был ознаменован грандиозным скандалом. Многие из публики, напуганные слухами, будто бы черносотенцы будут громить Художественный театр, главным образом, за то, что в нем ставятся пьесы Горького, пришли с революерами. И когда в третьем акте по ходу пьесы на сцену врываются участники холерного бунта — черносотенцы, преследующие Павла Протасова (эту роль исполнял я) — ишибли меня с ног, а на сцене раздался выстрел (тоже по ходу действия), в публике произошло смятение. Все думали, что это настоящие черносотенцы и что я ими убит. В зале раздались крики «Качалов, встаньте!». Я встал, подчеркивая, что совершенно невредем. Несколько раз выходил на сцену В. И. Немирович-Данченко, убеждая публику, что все в порядке, что так должно быть по ходу действия.

Затем все спектакли нашего театра были прекращены, время было тревожное. Началась первая русская революция. В конце января 1906 года мы уехали в Берлин. Сюда на лечение приехал Алексей Максимович и там у нас произошли новые встречи с Горьким. Он очень часто проводил время с Карлом Либкнехтом, тогда еще совсем молодым и цветущим, и с Бебелем — стариком. Помню вечер, посвященный Горькому в Шаллоттенбурге — предместье Берлина. В небольшом помещении рабочего клуба Горький читал «Песню о соколе», «Буревестник», я прочел сцены из «На дне» и рассказ Алексея Максимовича «Ярмарка в Голтве», актер Шильтраут читал на немецком языке рассказы Горького. Помню, как пришедший за кулисы Либкнехт, сказал мне:

— Хотите посмотреть интересные типы?

В ложе, за занавесками, сидел проп-принп, сын Вильгельма, со своей свитой. Им хотелось посмотреть, кто такой Горький, как его принимает публика.

В 1906 году Алексей Максимович поехал на лечение в Италию, так как его здоровье ухудшилось. После этого я с ним не встречался вплоть до Октября 1917 года.

☆☆

Припоминаю еще одну встречу. 1918 год. На большом вечере в Колонном зале Дома союзов присутствовали В. И. Ленин и А. М. Горький. В перерывах они долго беседовали. Я выступал на этом вечере, читал Шекспира, отрывок из «Мертвых душ» Гоголя.

— Как это здорово, — говорил об этом отрывке Ленин Горькому.

Алексей Максимович интересовался — замечаю ли я разницу в реакции у нового зрителя, чувствую ли я удовлетворение, выступая перед такой публикой.

Еще раз я встретился с Горьким в 1928 году. Он приехал к нам в МХАТ на спектакль «Бронепоезд» Всеволода Иванова и был очень удовлетворен спектаклем.

— Я очень рад за вас и за Иванова, это спектакль, который сейчас нужен. Не оставляйте, однако, классику, — говорил веселый, бодрый, жизнерадостный Алексей Максимович. Вскоре после этого, в 1930 г. он смотрел наш спектакль «Воскресенье» и очень одобрил не только исполнение, но и формы спектакля — т. е. перенесение романа на сцену с помощью чтеца.

Потом я его видел мельком, когда в ознаменование 60-летия Горького нашему театру было присвоено его имя. Он сидел в ложе вместе с правительством. Мы ставили «На дне». Придя за кулисы, Горький выразил свое удовлетворение спектаклем.

А. М. Горький остался в моей памяти и памяти многих артистов МХАТ, как настоящий друг и учитель нашего театра, как большой, обаятельный, глубокий человек и художник.